

ОН БЫЛ ОБРЕЧЕН

Давид Дубинский был обречен. Спросите, как понимать «обречен»? Кем обречен? На что обречен? Я отвечу: этот сильный, щедро одаренный человек был обречен безвременно уйти из жизни в расцвете сил, едва достигнув сорока лет.

Вет. Москва. — 2001 — 5 сент. — С. 11.

определили дальнейший путь молодого художника. Его привлек к себе неисчерпаемый мир литературных образов. Дубинский целиком посвятил себя книжной иллюстрации.

Уже в первых своих опытах в этой области — рисунках к произведениям Теккерея, Диккенса, Гюго — молодой Дубинский показал себя вдумчивым и серьезным художником. А ведь перед не окрепшим еще его мастерством стояла труднейшая задача: отобразить незнакомый и сложный мир, быт и нравы, радости и огорчения людей прошлого века, так что нельзя не подивиться смелости молодого художника, гибкости его воображения, умению убедительно передать приметы эпохи.

Полноценный «перевод» с литературного языка на язык изобразительный по плечу лишь художникам, способным к раскрытию идейного замысла писателя. Давид Дубинский, бесспорно, был в их числе. В полную же силу расцвело его дарование, когда он обратился к произведениям советской беллетристики. Появление в 1950 году рисунков к повести Аркадия Гайдара «Чук и Гек» стало настоящим праздником для нашей книжной графики. Эта работа восхитила всех свежестью и поэтичностью художественного языка, жизненной на-

блюдательностью, умным и теплым юмором. Молодому художнику была присуждена Сталинская премия.

Я уже говорил, что природа щедро одарила Давида Дубинского — талантом, энергией и волей, красивой внешностью и редким личным обаянием. Но то ли по оплошности, то ли из непонятого коварства она же не позаботилась о здоровье. Уже в молодые годы Дубинский, статный, атлетически сложенный, стал испытывать частое, непонятное недомогание. Он старался не обращать на него внимания, работая неустанно, вдохновенно, плодотворно. Изредка он обращался к врачам, но они ничего конкретного не говорили. Помню, Ольга Григорьевна, его мать, поделилась со мной своей тревогой:

— Недавно Давид спрашивает: «Мама, сколько лет было отцу, когда он умер?» Я ответила: «Сорок». Он задумался и сказал: «Мне тоже скоро сорок, мама».

Дубинский отнюдь не «почивал на лаврах», как это нередко бывает с теми, кто быстро добился славы. Напротив, он шел от успеха к успеху. Из-под его кисти выходили овеянные лирикой рисунки к «Дождям» С. Антонова и «Тоне» Ильфа и Петрова; он снова обратился к творчеству Гайдара, проиллюстрировав повести «РВС», «Дальние страны», «Голу-

бая чашка». Счастливой была его «встреча» и с произведениями Чехова. Вершиной же творчества Дубинского явилась большая сюита акварелей на темы «Поединка» А. Куприна. В этой работе строгая черно-белая графика Дубинского впервые стала цветной, засияла тонкими колористическими решениями.

Я радовался успехам Дубинского. К тому времени Давид уже был женат. С Таней, дочерью писателя Всеволода Иванова, они были замечательной любящей парой и часто бывали в моем доме. Однажды мы стоворились все вместе отправиться на теплоходе «Победа» в круиз вокруг Европы, очень популярный в конце 50-х.

Впечатлений, понятно, было масса, поэтому я не обратил внимание на ухудшившееся день ото дня настроение Давида. Но в Риме, когда все рассаживались по автобусам, чтобы поехать в Ватикан, встревоженная Татьяна сказала, что Давид намерен остаться в гостинице. Я пошел к нему.

— В чем дело, Давид? Быть в Риме и не увидеть папу — это, вы знаете, не положено. Вставайте, поедем!

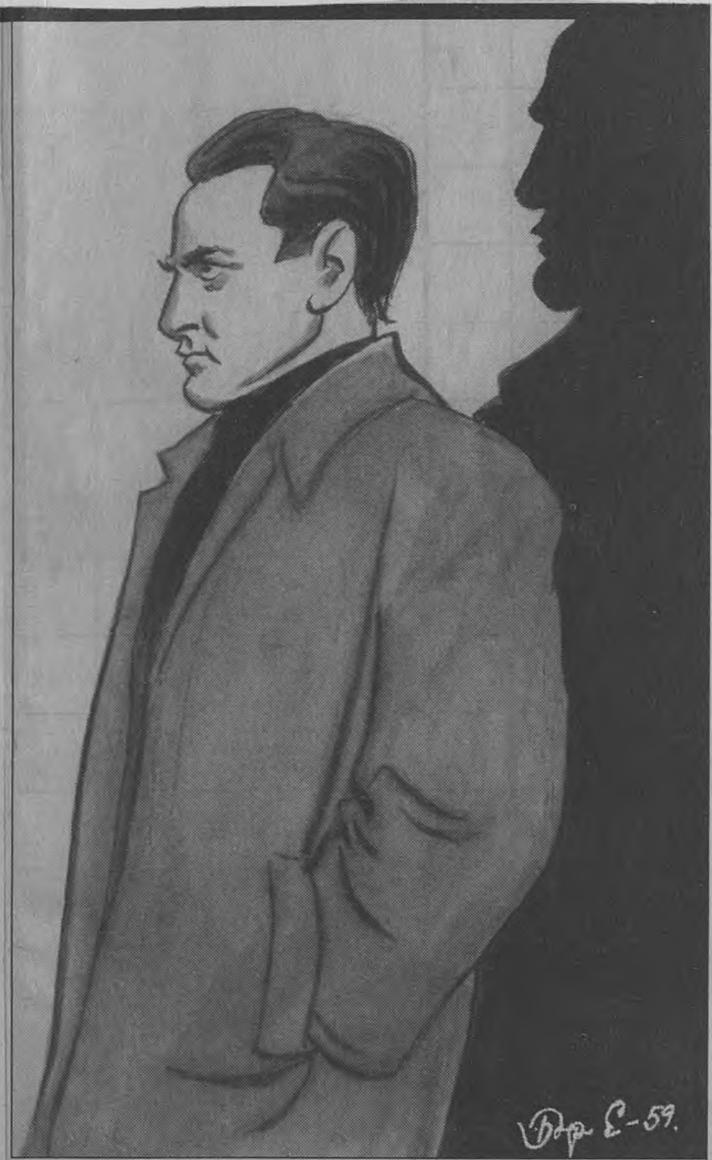
— А пошел он, этот папа, к... — сумрачно ответил Дубинский.

— Нет, так не годится. Здесь вы говорите о папе: «А пошел он...», в Париже не пойдете смотреть собор Парижской Богоматери, а в Лондоне скажете: «А пошел он, этот Тауэр...» Зачем же тогда круиз?

Дубинский посмотрел каким-то отсутствующим взглядом.

— Мне скоро сорок лет, — сказал он.

— Ну и что? — не понял я. — А мне скоро шестьдесят.

В Ватикан он не поехал и до конца круиза был задумчив и неразговорчив. Только потом я понял, что его преследовала мысль о злом роке, погубившем отца, и теперь витающим над ним.

Предчувствие, увы, его не обмануло. Недолго прожил Давид после возвращения из плавания вокруг Европы.

Так, по воле прихотливой судьбы, мне довелось приветствовать первые шаги Давида Дубинского на его так безжалостно оборванном творческом пути, и мне же было суждено провозжать его в последний путь в числе многочисленных друзей и почитателей его обаятельного таланта.

Борис ЕФИМОВ

Его имя впервые было упомянуто в газете «Известия», на страницах которой в 1936 году была опубликована заметка о выставке карикатуристов-любителей. Назывались наиболее удачные работы, и среди них — рисунки шестнадцатилетнего Давида Дубинского. Автором той заметки был я.

Вскоре я познакомился и с самим Дубинским — темноволосым юношей, державшим себя очень скромно и даже застенчиво, но с большим чувством собственного достоинства. В нем чувствовались уверенность в себе и внутренняя сила. Дубинский не раз приходил ко мне и внимательно прислушивался к замечаниям, которые я высказывал по поводу его творчества. Мне думалось тогда, что наша сатирическая графика приобретает многообещающего рисовальщика. Однако Дубинский не стал карикатуристом. Ему было присуще гонкое чувство юмора с ярко выраженной сатирической окраской, но другие струны — романтическая и лирическая — звучали в его душе сильнее, и именно они